

ловского кордона под г. Воронежом занимает площадь свыше 20 га), связанные с их долговременным существованием и многочисленным населением, резко отличают их от миниатюрных дьяковских поселений. С другой стороны, авторам книги удалось показать, что воронежские городища не являются исключением из общего комплекса русских памятников второй половины I тысячелетия н. э., идущих сплошной полосой от Воронежа и Дона на запад — к Сейму, Пслу, Ворскле и известных по верхней и средней Оке, по Днепру, в верхнем Поволжье и в области земли Новгородской, до берегов Чудского и Ладожского озер, а представляют собой одну из территориальных групп этих памятников.

В VIII—X вв. бассейн Дона, удаленный от основных центров формирующейся русской государственности, являлся глухой окраиной. В быту местного населения сохранялись многие архаические черты, присущие до-киевской Руси. Это обстоятельство делает публикуемые материалы особенно интересными, так как они проливают свет на эпоху, в настоящее время менее всего исследованную.

Наибольший интерес из материалов раскопок представляют открытые авторами данного исследования многочисленные жилища славянского населения Подонья IX—X вв. (раскопки 1928—1929 гг.). Эти материалы позволили авторам книги сделать интересные выводы об общественных отношениях населения изучаемых городищ.

Все раскопанные жилища поселений можно разделить на два типа: к первому относится группа жилищ, соединенных внутренними переходами (Большое Боршевское городище), ко второму — жилища, расположенные по одному или совсем небольшими группами. По мнению П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова, жилища первого типа принадлежали большой патриархальной семье. С этим нельзя не согласиться. Но следующее заключение авторов, которое усиливает предыдущий вывод: «Соединение многих жилищ в одно целое всегда находит объяснение в прочных еще устоях родового строя» (стр. 11) — в данном контексте звучит неубедительно. По определению самих же авторов, Большое Боршевское городище относится к IX—X вв., и говорить о «прочных еще устоях родового строя» относительно этого времени было бы неправильно, тем более, что за этим утверждением идет вывод о жилищах второго типа: «Возможно, что в этом следует видеть хозяйственное обособление отдельных семей, возникающее в процессе распада старых родовых связей, что вполне естественно ожидать в эпоху IX—X вв.». Повидимому, авторы хотели сказать, что соединение многих жилищ в одно целое, так называемые «длинные дома», вообще характерно для эпохи родового строя, но отсюда отнюдь не следует вывод, что население Большого Боршевского городища в IX—X вв. жило еще в эпоху расцвета родового строя. Ведь так именно можно понимать выражение «прочные устои».

Нам кажется, что какой бы далекой окраиной восточного славянства область Подонья ни была, все же правильнее говорить о пережитках родового строя в IX—X вв. на данной территории, нежели о его «прочных устоях». Авторы сами говорят, что в исследуемую ими эпоху «заканчивается родоплеменной период русской истории» (стр. 14). Может быть, следовало более четко хронологически расчленить весь имеющийся материал городищ для того, чтобы выделить более раннюю стадию их существования, тем более, что на основании курганного материала сопредельной области это сделать удается¹.

Постоянно подчеркивая «примитивность» и «архаичность» (стр. 45) вещественного материала Большого Боршевского городища, авторы, однако, отодвигают нижнюю хронологическую границу воронежских городищ не далее VIII в. (стр. 8). Добытые раскопками материалы воронежских городищ (жернова, закрома с зернами пшеницы, ямы для хранения зерна и т. д.) в сочетании с письменными источниками позволяют охарактеризовать состояние хозяйства воронежских городищ IX—X веками.

Отмечая развитие всевозможных лесных промыслов и скотоводства, авторы исследования делают вывод, что «Основой хозяйственной деятельности славянского насе-

¹ Исследованные Н. И. Булычевым и В. А. Городцовым курганы с трупосожжением на средней Оке относятся к V—VII вв.

ления Подонья в IX—X вв. были, однако, не охота и рыболовство, а пашенное земледелие» (стр. 12). Этот вывод, вполне оправданный опубликованными в данной книге материалами, является лишним доказательством того, что родовой строй в этот период был в стадии разложения. Как известно, эпоха первобытно-общинного строя характеризуется началом земледелия и развитием скотоводства. Дальнейшее развитие земледелия говорит об изменении социальной структуры общества, когда на смену первобытно-общинному строю приходит общество классовое. «Затем патриархат сменился рабовладельческим строем, — тогда люди поддерживали своё существование сравнительно более развитым земледелием»¹.

Для того чтобы дорисовать облик хозяйства Подонья в IX—X вв., следует отметить еще и развитие ремесел — гончарного и металлургического. «Обнаруженные на городище у Кузнецовой дачи... остатки нескольких мастерских, где происходила выплавка кричного железа из местной железной руды, не оставляют сомнения в том, что добывание этого необходимого металла составляло одно из постоянных и важных занятий населения Городка. Однако с точки зрения металлургической это производство стояло еще на очень невысокой ступени развития» (стр. 13). Косвенным свидетельством слабого развития ремесла являются и частые находки изделий из рога и кости.

В таком виде рисуется, на основании археологических данных, социально-экономический и хозяйственный уклад населения Подонья в IX—X веках. Совершенно иную картину рисуют данные, относящиеся к XI—XIII вв. Как археологические, так и письменные источники в это время свидетельствуют об отсутствии русских памятников в бассейне р. Дона. Один русский поселок на Дону и два-три погребения с вещами XI—XIII вв. говорят о каких-то отдельных поселениях, оторвавшихся от сплошного массива русского населения (стр. 7). Авторы книги объясняют такое разорение и опустошение юго-восточной окраины русских земель татаро-монгольским нашествием.

* * *

Следующие главы книги посвящены изданию самих археологических памятников.

Археологическая методика их исследования и критический анализ стоят на высоком уровне. Благодаря этому выводы, сделанные во вступительной главе, подробно обосновываются. Большой заслугой авторов является удачное сочетание тщательно изученных археологических и письменных источников.

Публикация «Древнерусские поселения на Дону» является ценным вкладом в нашу историческую науку.

Т. Н. Никольская

М. М. ГЕРАСИМОВ, Основы восстановления лица по черепу, 186 стр., 70 фотографий и рисунков, М., 1949.

Рецензируемая книга, удостоенная в 1950 г. Сталинской премии, состоит из введения и трех глав, представляющих по существу три взаимосвязанные, но самостоятельные работы. В введении автор кратко освещает историю восстановления лица человека по черепу различными учеными, начиная с семидесятых годов прошлого века, и дает критику методических приемов авторов этих реконструкций. Здесь же автор определяет свои методологические позиции и задачи, которые он ставит перед собой при создании реконструкции лица по черепу.

Более 20 лет назад, начиная свою работу над реконструкциями, М. М. Герасимов не предполагал возможным добиться портретного, индивидуализированного восстановления лица по черепу. Работая над реконструкциями лица по черепу ископаемого человека, М. М. Герасимов стремился лишь восстановить антропологический тип древних людей. И только по мере продвижения исследовательской работы над изуче-

¹ И. В. Сталин, Анархизм или социализм? Соч., т. 1, стр. 311.